

Вырезка из газеты
СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВОот : : 27 ОКТ. 40 8 Газета №
Москва

«Пиковая дама» на эстраде

Недавно в Бетховенском зале Большого театра Д. Н. Журавлев показал свою новую работу — «Пиковую даму» Пушкина. Это — большой праздник для всех слушателей, а также и для нас, мастеров художественного слова. То, что показал Д. Н. Журавлев, — это настоящая, пушкинская «Пиковая дама», которую (так же как и «Онегина») зритель наш часто воспринимает через музыку замечательных опер Чайковского. Автору этих строк приходилось много раз сталкиваться с чрезвычайно устойчивой инерцией слушателя, который многие места пушкинского романа «Евгений Онегин» (например, письмо Татьяны к Онегину, сцену с няней, объяснение Онегина с Татьяной в саду) органически не может воспринимать помимо оперных мелодий Чайковского. А между тем Пушкин и Чайковский далеко не одно и то же; у каждого из них имеется своя неповторимая интонация и свое ощущение России и русской жизни того времени. Возьмите «Пиковую даму» Чайковского. С самого начала оперы анекдот о трех картах превращается для Германа в неотвратимый рок, от которого ему (Герману) никуда не уйти. Гром и молния поражают над его обреченной головой. И дальше роковая неотвратимость судьбы Германа становится еще тревожнее и еще трагичнее. Совсем не то у Пушкина. Обратите внимание на все пушкинские эпиграфы к «Пиковой даме» (так чудесно раскрыты Д. Н. Журавлевым!). Они все звучат иронически, а, как известно, эпиграф есть ключ ко всему произведению.

В «Пиковой даме» Пушкин иронизирует над высшим светом (с которым, как известно, он был не в ладах), он иронизирует над склонностью высшего света ко всяким мистическим, «загадочным» и «таинственным» происшествиям (над которыми так саркастически будет позднее издеваться Лев Толстой в «Плодах просвещения»). Так, в своем дневнике за 1833 г., очевидно в связи с модными в те времена спиритическими сеансами, Пушкин записывает следующее: «В городе говорят о странном происшествии. В одном из домов, принадлежащих ведомству придворной конюшни, мебели вдумали двигаться и прыгать, дело пошло по начальству. Кн. В. Долгорукий нарядил следствие. Один из чиновников призвал попа, но во время молебна стулья и столы не хотели стоять смирно. Об этом идут разные толки. Н сказал, что мебель придворная и просится в Аничков...» Такое ироническое отношение ко всякой чертовщине и мистике очень характерно для Пушкина и для его светлого ума.

В «Пиковой даме» он иронизирует над старой графиней, которая не подозревает о существовании русских романов. С глубокой иронией Пушкин описывает похороны графини и молодого архиерея, говорящего явно очень смешные вещи. «Ангел смерти обрел ее,—сказал оратор,—бодрствующую в помыслиниях благах и в ожидании жениха полунощного». После ночного визита Германа к графине слова эти звучат определенной насмешкой. Наконец, самые эти три карты: тройка, се-

мерка, туз—откуда они появились, т. е. именно эти карты, а не другие? Но читайте внимательно Пушкина, и вы увидите, что и тут дело не обошлось без иронии (правда, основательно замаскированной). «Да и самый анекдот,—говорит в одном месте Герман,—можно ли ему верить... Нет. Расчет, умеренность и трудолюбие: вот мои три верные карты, вот что утронит, усмерит мой капитал и доставит мне покой и независимость...»

Идея утронить, усмерить свой капитал и наконец стать тузом настолько завладела воображением Германа, что именно эти три—тройка, семерка и туз возникают в его разгоряченном мозгу в момент таинственного появления графини.

Д. Н. Журавлев и его режиссер Е. Я. Эфрон прекрасно поняли эту двойную ироническую игру Пушкина и показали ее во всем неотразимом блеске. Но у Д. Н. Журавлева было и много подлинно трагических красок, например образ бедной воспитанницы Лизы, описанию униженного и зависимого положения которой в доме графини предшествует у Пушкина цитата из Данте: «Горек чужой хлеб и тяжелы ступени чужого крыльца». И как скорбно звучит у Д. Н. Журавлева прощание Германа с Лизой после смерти графини. С какой трагической силой звучит финал, в котором безумный Герман бормочет названия погубивших его карт. И вместе с тем сколько чудной, пушкинской улыбки у Д. Н. Журавлева, так она одушевлена настоящей пушкинской мелодией (какое богатство их у Д. Н. Журавлева!). Так это все музыкально и артистически прекрасно и совершенно, что чувство глубокой радости и благодарности к замечательному артисту охватывает аудиторию, когда он, закончив уже свою прекрасную работу, на несколько мгновений погружается в раздумье, словно произносит про себя удивительное пушкинское стихотворение «Труд», написанное сразу же после окончания «Евгения Онегина».

Миг вожделенный настал: окончен мой труд многолетний.

Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?

Или, свой подвиг свершив, я стою, как поденщик непужный,

Плату принявший свою, чуждый работе другой;

Или жаль мне труда, молчаливого спутника почти,

Друга Авроры златой, друга пепатов святых?

Но вот зрительный зал разражается бурными рукоплесканиями, и артист, закончивший свой «труд многолетний», в отличие от пушкинской эпохи, когда одиночество гениального поэта было его естественным творческим состоянием,—видит, что он далеко не «полезшик ненужный», а горячо любимый чуткой и прекрасной аудиторией художник, сумевший так удивительно передать и в полной мере донести до слушателя замечательное произведение любимого народом великого русского поэта.

В. ЯХОНТОВ